

Вырезка из газеты

МОЛОДЕЖЬ
ЭСТОНИИ

- 1 АВГ 1981

г. Таллин

ЧТОБЫ СВЕТИЛИ ЗВЕЗДЫ

В этом году у нас побывал Московский театр имени Ленинского комсомола. Артисты этого театра хорошо знакомы зрителю не только по сцене, но по киноэкрану, телевидению. Сегодня мы публикуем беседу нашего корреспондента с ленинградцем Николаем **КАРАЧЕНЦОВЫМ**.

— Театральный актер, вы быстро подружились с кинематографом?

— Я бы не сказал, что быстро. К тому времени я уже пять лет работал в театре (хочется проакцентировать, в своем театре — это так важно, когда у актера есть свой театр), а кинематограф все еще меня не знал и не хотел знать.

— Вас это волновало?

— В определенной степени.

— Что больше — то, что не знал, или то, что не хотел знать?

— Судите сами, это было время, когда театральных актеров стали активно использовать в кино. Все снимаются, пусть не все, но многие, а ты — нет. Конечно, обидно. Я уже не верил в то, что мой «альянс» с кино состоится, и не ждал этого. Тем более, что у меня была возможность каждый вечер выходить на сцену, встречаться со зрителем, видеть его глаза, чувствовать его реакцию — что может быть дороже этого ежедневного контакта? Профессиональное совершенствование? Это тоже давал мне театр.

— Но когда вам предложили первую роль в кино?

— Конечно, я согласился. Однако не думал, что в итоге придется сниматься так часто.

— Вы подсчитываете свои кинороли?

— Приходится. Иногда это необходимо в решении вопросов чисто технического порядка. Но все-таки я был и остаюсь актером театра — нашего театра имени Ленинского комсомола. Правда, кинематограф меня не обижает — предложений много. Недавно впервые попробовал себя в мультипликационном кино — это очень интересно. Потом, тоже впервые, был занят в дубляже: даже не подозревал, насколько это может быть увлекательно. Мне повезло: в фильмах «Чудовище» и «Кто есть кто» дублировал прекрасного актера Жана-Поля Бельмондо.

— О вас говорят как об актере, сочетающем в себе

хорошую спортивную форму и тонкую психологичность. Именно поэтому хочется спросить: вам знакомо чувство усталости?

— Даже в век феминизации мужчина не имеет права жаловаться на усталость. Актер не может щадить себя, работать вполсилы. Я себе сам выбрал эту профессию и должен подчиняться ее требованиям. Конечно, иной раз выматывают срочные вызовы на съемку, нелетная погода, боязнь из-за нее опоздать на спектакль. Но все это ничто по сравнению со счастьем выйти на сцену и в который раз понять, насколько неисчерпаем колодец, из которого пьешь.

— Вы бы хотели, чтобы ваш сын стал актером?

— Нет.

— ...

— Поймите меня правильно. Он маленький, ему только три с половиной года. Растет он в актерской семье и уже сейчас заворожено смотрит на все, что связано с театром.

— Плюс к тому папина популярность?

— И это тоже. Он выходит со мной на улицу, видит, как дети меня узнают — благодаря «Приключениям Электроника» — и ему это приятно. А дальше? Боюсь, что все это может только испортить ему жизнь. Тому, кто растет в театре, трудно от него отказаться. Ну, вырастет, поступит в театральный институт, закончит его... А вдруг окажется, что на этом все кончено?

— Что нет таланта?

— И не только таланта. Есть же еще такое понятие, как зезение. Ведь актерская профессия третижна: у нас еще есть автор, есть режиссер. Кроме того, нужно, чтобы многое совпало: чтобы тебя именно в этом возрасте, именно в этот момент твоего самоощущения, на эту именно роль пригласил именно этот режиссер. Такие совпадения — редкая удача. Помимо всего прочего, актеру надо, чтобы светили звезды.

— Как вы считаете, вам светят?

— Я об этом не думал, потому что знаю, сколько еще в моей жизни неоткрытого, сколько еще можно открывать — ежедневно, ежевечерне. Театр дал мне возможность сыграть Тилля, но разве я могу сказать, что за все годы, что идет спектакль, я сделал в этой роли все воз-

можное? А рядом с Тилем — «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты», сложный эксперимент нашего театра. И тут же — «Жестокие игры» Арбузова, где я играю Мишу Земцова.

— Этого удивительного парня с гитарой.

— И знаете, я ведь по решению этой роли должен плохо петь. Наш Миша Земцов — из того поколения ребят, которые бредили Окуджавой, пели Визбора. Им было неважно, как они поют, главное — взять в руки гитару и в кругу таких же, как ты романтиков... Ну, вы помните тех, кому на смену пришли знатоки едва ли не всех современных ансамблей.

— Но сегодня вы играете для них, сегодняшних молодых, ведь театр ваш — молодежный.

— Мы играем для всех, кто приходит к нам. Каким бы ни был зритель, за чем-то он пришел в театр? Пришел в ожидании чего-то для себя важного.

— И выходя на встречу со зрителем, вы руководствуетесь своей интуицией?

— Конечно, я должен почувствовать, кто сидит передо мной, что он от меня ждет. Но одной интуиции мало — у этой медали есть оборотная сторона. Если бы актер работал только на одной интуиции, то, войдя в образ и уже забыв обо всем на свете, он, играя Отелло, каждый вечер душил Дездемону, и каждый вечер ему бы давали новую. Актер должен знать, почему он в роли что-то делает. Он должен досконально владеть профессией, совершенствуя свой психофизический аппарат.

— Чтобы добиться максимальной выразительности?

— И правдиво, я подчеркиваю, правдиво реагировать на события. Для этого мало быть исполнителем, — нужно постоянно и нещадно трать себя — свои нервы, свое сердце.

— Вы не боитесь обанкротиться?

— Если хоть один человек после нашего спектакля будет долго бродить по улицам, встревоженный тем, что увидел, потрясенный тем, что узнал, или вдруг, совершенно неожиданно даже для себя, впервые за долгие годы принесет жене цветок, банкротство актеру не грозит.

Беседу вела
Элла АГРАНОВСКАЯ.